

ЗВЕЗДА ЗАВЕТНАЯ

«Открытия приходят лишь к тем,
кто подготовлен к их пониманию...»

Луи Пастер

Звезда как метафора для обозначения довольно обширной коллекции смыслов сопровождает всю историю человечества, по крайней мере со времен наскальных рисунков и изобретения колеса. С нею олицетворяют себя мировые религии, государства, военные силы, общества, корпорации. Звездам посвящались и посвящаются стихи, живописные полотна, музыка, ими украшают скульптурные изваяния и архитектурные сооружения. В любом случае речь идет о символе высочайшего, почти предельного уровня совершенства. Лучи звезды, сколько бы их ни было — 5, 6, 8 или 14, обычно равной длины. Звезда как геометрическая фигура вписана в окружность. Будучи приведенной в движение, она образует сферу, от которой рукой подать до символизации Земли и других планет. И Солнце — это шар, пусть тоже не абсолютно идеальный. Планеты и светила — ключевые элементы Вселенной с ее галактиками, а также другими образованиями, например, астероидами, имеющими и не шарообразные формы. Ассоциативные ряды можно продолжить, но ограничимся тремя следствиями из тезиса о том, что звезда — один из самых любимых образов человеческой цивилизации.

Во-первых, правильность формы связана в любом случае с космическим смысловым рядом. От звезд, частный случай которых — Солнце, исходит свет, несущий тепло. Нет солнечного света — воцаряется тьма, а видимый ночью небосклон с его миллиардами звезд, до которых невообразимо далеко, не излучает тепла. Но и Солнце — тайна, которую еще изучать и изучать. Не случайно оживление интереса ведущих держав мира к миссиям на Венеру диктуется траекториями пролета аппаратов к нашему светилу. Более того, холодные для землян звезды, образующие столь популярные 12 зодиакальных групп и Млечный Путь, — это еще и вызов человечеству, о котором Лев Ландау как-то сказал: «Величайшим достижением человеческого гения является то, что человек может понять вещи, которые он уже не в силах вообразить». Назовем это наблюдение первым звездным парадоксом.

Во-вторых, равноразмерность длины и шага лучей звезды — невероятно тактичное представление свободы человеческой воли. *Nic Rhodus, bic salta*. Точка выбора — в центре звезды, из которой могут выстраиваться любые векторы изменений. Не случайно частое использование звезды как логотипа военных структур указывает на их заданную готовность всестороннего, всепогодного, всеаспектного поведения. Назовем этот звездный эффект парадоксом заданной свободы настройки на гармоничность.

В-третьих, в дистанции между иногда даже обжигающим землян Солнцем и многими другими сопоставимыми, но далекими и потому холодными светилами с их группировками планет, прячется фундаментальная человеческая надежда и ее антипод — страх. И то и другое часто профанируется или, напротив, обретает статус верования вплоть до агностицизма или пантеизма. Создан и освоен практически весь набор возможных концепций для решения этой загадки. Наивно представлять, будто солипсизм, экзистенциализм, ницшеанство или материализм стали давно обветшавшей заумью. И отнюдь не только идеи, например, марксизма «овладевали массами, становясь материальной силой». Социум прожигается вновь и вновь революциями и конфликтами, питаемыми идеями, более или менее хитроумно скрывающими интересы, за которыми, в свою очередь, тоже идеи, жизненные смыслы человеческого бытия. Не все они следуют принципу гармонии звездных лучей.

В современных и весьма практичных документах межгосударственных и государственных структур подобная «заумь» стала одним из ключевых «доменов», в которых разворачивается настоящая битва за доминирование «цивилизационных концептов». Назовем это третьим звездным парадоксом — эффектом полярности. Не путать с двоичностью.

Уравновесить, если предельно — удержать, силы страха может только надежда. Вспомним, как возликовали волхвы, увидев Вифлеемскую звезду. Она была не случайным открытием, а вполне исчислимым. Так древняя наука органично слилась с предвидением новой эпохи, от которой до сих пор строится календарь и синхронизации сложнейших социотехнических систем. Так космическое тело, практически полностью данное только в точке излучения света, а в остальном — абсолютная тайна, породило в сознании людей надежду, живущую тысячелетия.

Разве не вершина непостижимости и благоговения перед тайной в лермонтовском:

«Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит?»

Разве не вершина взыскания печали в чем-то осязаемо конкретном и одновременно смысла в чем-то нечувствительно и беспредельно величественном в бунинском от 1922 года:

«Где ты, звезда моя заветная,
Венец небесной красоты?
Очарованье безответное
Снегов и лунной высоты...?»